

Оценка возможностей расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства

**Петр Владимирович
ИЛЪЯСОВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tr1k-y@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5758-4527; ResearcherID: ADT-9482-2022

**Елена Леонидовна
АНДРЕЕВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: elenandr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4975-0905; ResearcherID: H-8591-2016

Аннотация. Инициатива Большого Евразийского партнерства, озвученная Президентом РФ В.В. Путиным в 2015 году, направлена на создание единого интеграционного пространства в Евразии. В связи с этим актуальна оценка возможностей и ограничений расширения торгово-экономических взаимодействий на данном пространстве. В статье представлен комплексный анализ торгово-экономических взаимодействий стран с использованием инструментов кластерного анализа. Исследование охватывает 18 стран-партнеров за период 2000–2024 гг. В качестве методического инструментария была использована многоуровневая модель, учитывающая экономические показатели и индексы стран, а также результаты глобальных рейтингов. Информа-

Для цитирования: Ильясов П.В., Андреева Е.Л. (2026). Оценка возможностей расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 281–293. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.18

For citation: Pyasov P.V., Andreeva E.L. (2026). Assessing the opportunities for expanding trade and economic interactions among countries of the Greater Eurasian Partnership. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 281–293. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.18

ционную базу составили открытые данные международных организаций: UNCTAD, Всемирного банка и др. Выявлена специфика взаимодействий стран в рамках Большого Евразийского партнерства по сравнению с другими интеграционными объединениями. Научная новизна работы заключается в развитии методического подхода к оценке интеграционного потенциала на базе кластерного анализа, что позволило выделить три профиля стран: ядро, окружение и внешние партнеры – и провести количественную оценку внешнеторговой, инвестиционно-инновационной, институционально-технологической активности стран-участниц с помощью расчета индекса внешнеэкономического взаимодействия. На основе проведенного анализа предложены дифференцированные стратегии усиления взаимодействия в соответствии с тремя выявленными профилями стран и рекомендации по повышению уровня взаимодействия и вовлеченности ряда государств с использованием инструментов стандартизации и гармонизации их деятельности на базе цифровизации и создания единых платформ, совместных инвестиционно-инфраструктурных проектов, транспортно-логистических коридоров и др. Исследование подтверждает необходимость преодоления логистических и институциональных ограничений в рамках Большого Евразийского партнёрства для реализации его интеграционного потенциала.

Ключевые слова: экономическая фрагментация, регионализация мировой экономики, интеграционное взаимодействие, Большое Евразийское партнерство, ЕАЭС, интеграция, внешняя торговля, инвестиции, глобальный индекс инноваций, платежный баланс, индекс технологической готовности.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01505, <https://rscf.ru/project/25-28-01505>.

Введение

Фрагментация мировой экономики и усиление ее регионализации активизировали поиск новых интеграционных моделей. По данным ВТО, в 2022 году более 52% мировой торговли приходилось на страны, связанные региональными торговыми соглашениями (РТС), что указывает на значимость процессов регионализации (Acharya, Parajuli, 2025). Число действующих РТС в мире за последние 20 лет увеличилось более чем в 8 раз¹. В Азии закрепилось Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), вступившее в силу 1 января 2022 года, объединившее 15 стран², на которые приходится около 32,6% мирового ВВП (Yunshek, 2025). В Африке развивается Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA), которая действует с 1 января

2021 года. Соглашение подписали 54 страны Африки, но к 2025 году его ратифицировали 47 государств³. Полная реализация AfCFTA способна увеличить внутриконтинентальную торговлю на 52% к 2035 году⁴.

На фоне укрепляющейся регионализации Россия в 2015 году предложила концепцию Большого Евразийского партнёрства (БЕП), названную флагманским проектом в «Концепции внешней политики РФ» (2023 г.)⁵. Первоначально БЕП предполагалось как сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС),

¹ WTO. Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS), 2025. URL: <https://rtais.wto.org/ui/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 06.08.2025).

² World Economics. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), 2025. URL: <https://www.worldeconomics.com/Regions/RCEP/> (дата обращения: 06.08.2025).

³ Economic Development in Africa Report 2024. UNCTAD, 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/aldcafrica2024-overview_en.pdf (дата обращения: 06.08.2025).

⁴ Unlocking the Potential of AfCFTA for Africa's Young Population. UNICEF, 2025. URL: <https://www.unicef.org/innocenti/media/11251/file/UNICEF-Innocenti-AfCFTA%20Main%20Report-Report-2025.pdf> (дата обращения: 06.08.2025).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 31.03.2023 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 06.09.2025).

Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и китайской инициативы «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI) в единое интеграционное пространство, однако на 2025 год уровень фактической связанности остался низким: институциональная разнородность и санкционные барьеры ограничивают реальное объединение.

Вместе с тем на фоне санкционного давления происходит переориентация торговых потоков крупнейших евразийских стран: взаимный оборот РФ и КНР достиг 240 млрд долл. в 2023 году и 245 млрд долл. в 2024 году⁶, а торговля России с Индией выросла с 12 млрд долл. в 2021 году до 49,3 млрд долл. в 2023 году⁷. Трансформируется логистическая карта Евразии: в 2020–2025 гг. активно развивались три ключевых маршрута: за 2024 год по коридору МТК «Север – Юг» (Иран – Россия – Индия) прошло свыше 14 млн тонн грузов; пропускная способность Транскаспийского маршрута (Средний коридор, через Каспий и Кавказ) увеличилась за 2020–2024 гг. на 63%; в 2023 году стартовал проект ж/д коридора Китай – Кыргызстан – Узбекистан, получивший финансирование в 4,5 млрд долл. В течение 2024 года ЕАБР финансировал 0,5 млрд долл. в проекты в рамках ключевого инфраструктурного мегапроекта «Евразийская транспортная сеть», при этом в целом по состоянию на июль 2025 года в евразийском регионе инициировано 325 проектов на сумму более 234 млрд долл., 60% из них уже реализуются. На евразийские транспортные коридоры приходится около 70% объема транзитных перевозок в ЕАЭС (Винокуров и др., 2022; Петрушина и др., 2025; Vinokurov et al., 2025). Эти процессы отражают растущий спрос на новые интеграционные форматы.

⁶ Ткачѳв И. (2025). Что происходило в торговле России и Китая в 2024 году // РБК. 23.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/01/2025/6790fa3e9a7947ca6e9d4c1c> (дата обращения: 06.09.2025); Tan H. (2025). Even Russia has had enough of some Chinese products // Markets insider. URL: <https://www.businessinsider.com/russia-economy-china-trade-oil-exports-sanctions-cars-market-overcapacity-2025-8> (дата обращения: 06.09.2025).

⁷ Смирнова Д. (2023). Экспорт из России в Индию увеличился в 4,7 раза // Профиль. 10.08.2023. URL: <https://profile.ru/news/economy/eksport-iz-rossii-v-indiju-uvelichilsya-v-4-7-gaza-1373535/> (дата обращения: 06.09.2025).

В связи с этим особую актуальность приобретает выявление специфики развития Большого Евразийского партнерства (БЕП), направленного на создание единого интеграционного пространства в Евразии, расширение торгово-экономических взаимодействий между странами-участниками и преодоление существующих для этого ограничений. В качестве объекта исследования были взяты 18 стран пространства БЕП, включающие страны-участницы ЕАЭС (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Кыргызская Республика), имеющие соглашения с ЕАЭС о свободной торговле (Вьетнам, Республика Сербия, Сингапур, Иран), члены ШОС (Китай, Индия, Республика Узбекистан, партнер по диалогу Турция), евразийские члены БРИКС (Саудовская Аравия, ОАЭ, с которыми ЕАЭС 27 июня 2025 года заключил Соглашение об экономическом партнѳрстве⁸), страны, членство которых, несмотря на непростую внутреннюю ситуацию в них, говорит об их приверженности стратегическому сотрудничеству (Израиль, Республика Молдова, Катар, который заинтересован в сотрудничестве с Россией по международному транспортному коридору «Север – Юг»⁹). Отношения с этими странами выходят на новый уровень. В рамках 12-го заседания Межправительственной Российско-Эмиратской комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству 10 декабря 2025 года в Дубае прошел Первый российско-эмиратский бизнес-форум, на котором глава Минпромторга России Антон Алиханов и министр экономики и туризма ОАЭ Абдулла Бин Тук Аль-Марри озвучили направления сотрудничества в ближайшие годы¹⁰. В 2026 году планируется проведение форума деловых кругов России и Катар, который по итогам 1-го полугодия 2025 г. входит в топ-5 иностранных инвесторов в Россию. В апреле 2025 года подписано новое Соглашение о создании российско-катарской инвести-

⁸ URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/israel.php>

⁹ URL: <https://ria.ru/20240517/katar-1946655504.html>

¹⁰ Власти России и ОАЭ назвали восемь направлений. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2025/693968429a79470a4ed4e19f> (дата обращения: 17.02.2026).

ционной платформы размером 2 млрд долл.¹¹ С 11 по 13 февраля 2026 года в Дохе при поддержке Министерств культуры РФ и Государства Катар прошли «Дни культуры России в Катаре» – первый крупный правительственный проект за последние 10 лет¹². «Российско-израильские отношения также, как отмечает Посол России в Израиле А. Викторов, выдержали проверку временем и сохраняют потенциал для дальнейшего развития, имеются серьезные заделы для углубления взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах»¹³. Эти и другие примеры свидетельствуют о высокой потребности стран евразийского пространства в расширении их торгово-экономических взаимодействий.

Цель исследования – разработка методического обеспечения оценки возможностей и ограничений расширения торгово-экономических взаимодействий стран Большого Евразийского партнерства, а также рекомендаций для усиления интеграции в рамках БЕП. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: развитие методического подхода, оценивающего уровень интеграционного потенциала БЕП и выявляющего ограничения для его развития; проведение количественной оценки внешнеэкономической, инвестиционно-инновационной и институционально-технологической активности стран-участниц БЕП с помощью расчета индекса внешнеэкономического взаимодействия (ИВЭВ); разработка дифференцированных стратегий усиления интеграции БЕП и рекомендаций по повышению уровня взаимодействия и вовлеченности ряда стран в пространство партнерства.

Теоретические аспекты исследования

Анализ всплеска публикаций отечественных и зарубежных авторов по вопросам экономической фрагментации говорит о неоднозначности оценки ее последствий для мировой экономики (Вишневский и др., 2025). Под геоэкономиче-

ской фрагментацией понимается разделение глобальной экономики на конкурирующие друг с другом блоки (Бахтизин, 2023; Blanga-Gubbay, Rubinova, 2024). Ряд зарубежных исследователей говорит об однозначном изменении глобальной цепочки поставок (Maihold, 2022) и появлении, в связи с этим, новых финансовых потоков, приходящих на смену глобальным (Nedumpara, 2024; Colombatto, Masey, 1996). При этом с конца прошлого века неоднократно подчеркивалось, что глобальные игроки преследуют прежде всего собственные интересы, а не цели «всеобщего благосостояния» (Colombatto, Masey, 1996; Дементьев, 2018), лишь усиливая разрыв между ядром и периферией мирового хозяйства. Беспрецедентные санкции коллективного Запада по отношению к России повысили внимание к вопросам сопротивляемости российской экономики (Мальцев, Чичилимов, 2024) и активизации ее взаимодействия с дружественными странами (Андреева и др., 2025).

В этих условиях чрезвычайно актуально обращение исследователей к проблематике евразийской интеграции. Ведущие российские ученые отмечают стратегическую и геополитическую значимость интеграционной инициативы БЕП. Как отмечает К.В. Бабаев, «в рамках мегатренда российской политики „поворот на Восток” особое место занимает идея Большого Евразийского партнерства» (Бабаев, 2024). С.А. Караганов среди движущих целей развития концепции Большого Евразийского партнерства называет «общее перемещение с Запада на Восток центра мировой экономики» (Караганов, 2019). С.Ю. Глазьев и Г.И. Осадчая также отмечают стратегические аспекты формирования БЕП, акцентируя необходимость институциональной и экономической координации для создания интеграционного пространства (Глазьев, 2021; Осадчая и др., 2025). И.Ф. Кефели подчеркивает геополитические аспекты формирования БЕП, но отмечает недостаточное внимание к логистике и технологиям (Кефели, 2019). У.А. Аббасов отмечает: «Несмотря на отсутствие четко оформленной структуры и конкретных механизмов, проект БЕП представляет собой перспективную модель региональной интеграции, которая может внести существенный вклад в развитие евразийского пространства» (Аббасов, 2024).

¹¹ В 2026 г. Россия и Катар проведут форум деловых кругов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2026_godu_rossiya_i_katar_provedut_forum_delovyh_krugov_.html (дата обращения: 17.02.2026).

¹² Дни культуры России открываются в Катаре. URL: https://culture.gov.ru/press/news/dni_kultury_rossii_otkryvayutsya_v_katare/ (дата обращения: 17.02.2026).

¹³ Посол Викторов: отношения России и Израиля выдержали проверку временем. URL: <https://ria.ru/20260213/izrail-2074112269.html> (дата обращения: 17.02.2026).

Важнейшая роль в евразийской интеграции отводится транспортно-логистической составляющей и инфраструктурным проектам. Так, Е. Винокуров подчеркивает роль транспортных коридоров ЕАЭС в интеграции с инициативой «Пояс и путь», отмечая рост контейнерных перевозок, но указывает на зависимость от китайских субсидий¹⁴. В.Е. Селиверстов отмечает особую роль в трансграничном взаимодействии «цифровой связности евразийского пространства» (Селиверстов, 2025). Исследования других авторов, например А.С. Королева, выявляют ограничения внешнеэкономической политики ЕАЭС, включая нетарифные барьеры (Королев, 2023).

Таким образом, в научной литературе обоснована значимость интеграционной инициативы Большого Евразийского партнерства как перспективной модели региональной интеграции, намечены возможные инструменты и механизмы ее развития, однако отсутствие на данный момент ее институционального оформления делает еще более важным понимание сущности и специфики евразийской интеграции в условиях фрагментации и регионализации мировой системы, что предполагает проведение оценки интеграционного потенциала в рамках БЕП и разработку направлений его дальнейшего развития.

Методологические аспекты исследования

Исследование базируется на анализе внешнеэкономических показателей и рейтингов по 18 странам пространства БЕП за 2000–2024 гг., представленных в базах данных международных организаций: Всемирного банка (в т. ч. Всемирное интегрированное торговое решение (WITS); ежегодный сборник международных статистических данных о глобальном развитии World Development Indicators (WDI), Международного валютного фонда (МВФ, IMF), Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД, UNCTAD), базе данных официальной международной торговой статистики, созданной Статистическим отделом ООН (UN

Comtrade), Программы развития ООН (United Nations Development Programme (UNDP), Евразийского банка развития (ЕАБР), Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО, ESCAP) и статистической службы ЕС Евростат (Eurostat), а именно:

- IMF World Economic Outlook (WEO): ВВП, ВВП на душу населения, ВВП по ППС, инфляция, платежный баланс¹⁵;
- UN Comtrade: двусторонние торговые потоки (экспорт, импорт товаров)¹⁶;
- UNCTAD: торговые потоки, прямые иностранные инвестиции (ПИИ)¹⁷, индекс готовности к передовым технологиям (FTRI)¹⁸;
- Всемирный банк (WDI, WITS): доля внешнеторгового оборота в ВВП, индекс логистической эффективности (LPI)¹⁹, основанный на восприятии профессионалами международной логистики оценки своих стран-партнеров и измеряющий скорость мировой торговли с использованием информации об отслеживании цепочки поставок по 139 странам;
- WIPO: Глобальный индекс инноваций (ГИИ)²⁰;
- ВТО: число региональных торговых соглашений (RTA)²¹;
- ESCAP, Eurostat: данные по внутригрупповой торговле АСЕАН и ЕС²²;
- ЕАБР: ПИИ и торговля в ЕАЭС²³.

¹⁵ IMF World Economic Outlook Database. URL: imf.org (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁷ UNCTAD World Investment Report 2024. URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ UNCTAD's Frontier Technologies Readiness Index 2024. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁹ World Bank World Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 01.05.2025).

²⁰ Global Innovation Index 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en> (дата обращения: 01.05.2025).

²¹ WTO Regional trade agreements. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 01.05.2025).

²² ESCAP. URL: <https://www.unescap.org> (дата обращения: 01.05.2025); Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 01.05.2025).

²³ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2024. Евразийский регион. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2024-evraziyskiy-region> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁴ Винокуров Е., Адахаев А., Ахунбаев А. [и др.] (2024). Экономическое сотрудничество в Евразии: практические решения: доклады и рабочие документы 24/2. Алматы: Евразийский банк развития.

Для 2024 года использованы прогнозы МВФ и ЕАБР из-за отсутствия окончательных данных. Данные стандартизованы для сопоставимости.

Для кластеризации стран БЕП по данным 2024 года был применен кластерный анализ (метод k -средних, k -means) на основе четырех стандартизованных показателей: ВВП, объем внешней торговли, ПИИ, ГИ. Количественную оценку обоснованности выбранного числа кластеров и их структуры обеспечивает силуэт-критерий – метрика качества кластеризации, показывающая, насколько объекты внутри кластера схожи друг с другом и насколько они отличаются от объектов других кластеров. Значение, близкое к 1, указывает на четкое и устойчивое разделение объектов на кластеры. Полученный силуэт-критерий (0,78) подтвердил четкое разделение на три кластера: ядро, окружение и внешние партнеры. Корреляция интеграционных коэффициентов (ядро: $\rho = 0,85$, окружение: $\rho = 0,65$, внешние партнеры: $\rho = 0,45$) дополнительно подтвердила результаты.

Также применялся сравнительный анализ для экстраполяции доли потенциально возможной внутригрупповой торговли БЕП на основе учета долей ЕАЭС и АСЕАН в сравнении с ЕС и МЕРКОСУР на основе данных Всемирного банка, UN Comtrade, Eurostat и ESCAP за 2000–2023 гг.

Данный методический подход позволяет обеспечить всесторонний охват актуальных процессов интеграции БЕП, выявить группы стран по степени их участия в БЕП, оценить влияние экономических и институциональных факторов в развитии интеграции БЕП. Анализ дополнен институциональными характеристиками (число РТА), индексами инноваций, технологически-логистической сопряженности (ГИ, LPI). Разработанный методический подход позволил собрать и проанализировать обширный массив данных, опубликованных ведущими мировыми исследовательскими центрами и институтами развития, и провести количественную оценку интеграционного взаимодействия в рамках формирующегося БЕП. Следующий раздел представляет результаты, включая макроэкономические показатели анализируемых стран пространства БЕП, расчет индекса внешнеэкономического взаимодей-

ствия (ИВЭВ), выявление профилей стран БЕП и сравнение с показателями других интеграционных блоков.

Основные результаты исследования

Анализ макроэкономических показателей стран

Макроэкономические показатели, индексы и рейтинги 18 стран БЕП за 2023 год представлены в *таблице 1*. Китай с большим отрывом лидирует по показателю ВВП по ППС (34 660 млрд долл.) и ВВП (17 794 млрд долл.). У Индии отставание от КНР по ВВП по ППС существенно меньше, чем по ВВП (14 619 млрд долл. и 3 567 млрд долл.), что еще раз доказывает важность того, какой именно показатель мы сопоставляем. По торговой открытости лидируют Сингапур (311% от ВВП), ОАЭ (202% от ВВП) и Вьетнам (166% от ВВП), что подтверждает их высокую степень включенности во внешнеторговые связи. Привлеченные ПИИ в % от ВВП высоки у Сингапура (19,28%), Сербии (5,61%), Вьетнама (4,63%), тогда как на российский показатель (-1,03%) повлияли санкции. Высокий инновационный индекс (ГИ) у Сингапура (61,5), Китая (55,3), Израиля (54,3), у них же высок показатель логистической эффективности (LPI): 4,3 – у Сингапура, 3,7 – у КНР, 3,6 – у Израиля, тогда как страны ЕАЭС, Сербия, Республика Узбекистан, Республика Молдова почти вдвое отстают от уровня лидеров. Наиболее интегрированными в институциональном отношении можно считать Сингапур (с числом соглашений 28 РТА) и Турцию (27 РТА).

Расчет предложенного авторами индекса внешнеэкономического взаимодействия (ИВЭВ) для стран пространства БЕП за 2023 год, включающий учет внешней торговли, ПИИ, инноваций (Global Innovation Index, ГИ), эффективности логистики (Logistics Performance Index, LPI) и региональные торговые соглашения (РТА), представлен в *таблице 2*.

Для каждого показателя оценок z рассчитаны среднее (μ) и стандартное отклонение (σ), на основе которых произведена их нормализация:

- доля торговли: $\mu = 104,00$, $\sigma = 69,52$;
- ПИИ: $\mu = 0,03$, $\sigma = 0,05$;
- ГИ: $\mu = 36,09$, $\sigma = 11,10$;
- LPI: $\mu = 3,09$, $\sigma = 0,61$;
- РТА: $\mu = 12,01$, $\sigma = 7,44$.

Таблица 1. Макроэкономические показатели, индексы и рейтинги 18 стран пространства БЕП, 2023 г.

Страна	ВВП по ППС (млн долл.)	ВВП (млн долл.)	Экспорт товаров (млн долл.)	Импорт товаров (млн долл.)	Доля внешне- торгового оборота (% ВВП)	Чистый приток ПИИ (% ВВП)	Инфляция годовая (%)	GII (баллы)	LPI (баллы)	RTA (кол-во, 2025 г.)	ННИ (экспорт)
Китай	34 660 138,18	17 794 783,04	3 379 748	2 556 763	37,32	0,09	0,23	55,3	3,7	20	899,46
Индия	14 619 765,55	3 567 551,67	431 412	672 140	45,92	0,42	5,65	38,1	3,4	19	742,12
Российская Федерация	6 454 737,77	2 021 421,48	424 749	303 086	41,83	-1,03	5,85	33,3	2,6	10	1344,95
Турция	3 611 520,83	1 118 252,96	255 627	361 967	66,28	0,42	53,86	38,6	3,4	27	659,67
Саудовская Аравия	2 032 545,22	1 067 582,93	320 018	206 940	62,13	-0,35	2,33	34,5	3,4	4	629,28
Иран	1 600 138,34	404 625,66	97 357	65 826	52,18	0,33	44,58	30,1	2,3	3	1192,55
Вьетнам	1 502 662,08	429 716,97	353 078	325 444	166,32	4,53	3,25	36,0	3,3	16	807,10
Сингапур	837 663,63	501 427,50	475 349	422 420	311,24	19,28	4,82	61,5	4,3	28	708,98
ОАЭ	797 922,32	514 130,43	570 245	470 536	202,33	1,63	1,6	43,2	4,0	7	627,79
Республика Казахстан	783 017,69	262 641,89	78 736	61 161	61,77	0,88	14,72	26,7	2,7	12	797,37
Израиль	527 413,00	513 611,10	58 905	91 877	57,53	1,26	4,23	54,3	3,6	12	619,39
Республика Узбекистан	395 989,16	101 591,77	21 017	36 660	64,38	2,14	9,96	26,2	2,6	5	663,35
Катар	342 411,79	213 002,81	97 751	31 431	100,21	-0,13	3,03	33,4	3,5	4	677,75
Республика Беларусь	282 352,16	71 857,38	39 840	43 091	133,00	2,83	5,00	26,8	2,7	6	2881,99
Сербия	190 406,42	81 342,66	30 935	39 838	114,49	5,61	12,37	33,1	2,8	10	703,26
Республика Армения	63 833,33	24 085,75	8508	12 474	119,71	1,62	1,98	28,0	2,5	12	1064,53
Кыргызская Республика	50 454,31	13 987,63	3385	12 516	140,16	3,50	10,75	20,2	2,3	11	827,33
Республика Молдова	43 249,32	16 539,44	4049	8674	95,13	2,52	13,42	30,3	2,5	10	999,47

* ННИ (Индекс концентрации торговли) рассчитывается как сумма квадратов долей экспорта каждой страны-партнера в общем объеме экспорта страны-репортера за 2023 г. ННИ < 1500: низкая концентрация (диверсифицированный экспорт); 1500 ≤ ННИ < 2500: умеренная концентрация; ННИ ≥ 2500: высокая концентрация (зависимость от немногих партнеров).

Источники: данные World bank, WTO, Unctad, WIPO, UNDP.

Таблица 2. Индекс внешнеэкономического взаимодействия для стран пространства БЕП, 2023 г.

Страна	Z_{Trade}	Z_{FDI}	Z_{GII}	Z_{LPI}	Z_{RTA}	ИВЭВ	ИВЭВ (нормализованный)
Российская Федерация	-0,89	-0,78	-0,25	-0,81	-0,27	-0,60	0,07
Республика Казахстан	-0,61	-0,36	-0,85	-0,64	0,01	-0,50	0,10
Республика Беларусь	0,42	0,07	-0,84	-0,64	-0,81	-0,37	0,14
Республика Армения	0,23	-0,20	-0,73	-0,97	-0,00	-0,36	0,14
Кыргызская Республика	0,52	0,21	-1,43	-1,30	-0,14	-0,46	0,11
Китай	-0,96	-0,54	1,73	1,01	1,07	0,48	0,38
Индия	-0,84	-0,47	0,18	0,51	0,94	0,07	0,27
Иран	-0,75	-0,49	-0,54	-1,30	-1,21	-0,85	0,00
Турция	-0,54	-0,47	0,23	0,51	2,01	0,33	0,34
ОАЭ	1,41	-0,20	0,64	1,50	-0,67	0,55	0,40
Саудовская Аравия	-0,60	-0,64	-0,14	0,51	-1,08	-0,37	0,14
Катар	-0,05	-0,59	-0,24	0,68	-1,08	-0,24	0,18
Израиль	-0,67	-0,28	1,64	0,84	0,01	0,34	0,34
Вьетнам	0,90	0,44	-0,01	0,35	0,54	0,43	0,37
Сингапур	2,98	3,70	2,29	2,00	2,15	2,62	1,00
Республика Узбекистан	-0,57	-0,09	-0,89	-0,81	-0,94	-0,66	0,06
Сербия	0,15	0,68	-0,27	-0,48	-0,27	-0,04	0,23
Республика Молдова	-0,13	-0,00	-0,52	-0,97	-0,27	-0,39	0,13

Рассчитано по: данные World bank, WTO, Unctad, WIPO.

Методом PCA получены веса основных факторов в составе ИВЭВ, объясняющих вариацию индикаторов: Z_{Trade} – 18,76%; Z_{FDI} – 20,64%; Z_{GII} – 20,83%; Z_{LPI} – 21,01%; Z_{RTA} – 18,76%.

Нормализация ИВЭВ в диапазоне [0; 1] обеспечивает сопоставимость стран с различными масштабами экономик, позволяет агрегировать показатели разной размерности, упрощает интерпретацию уровня интеграционной вовлеченности и обеспечивает корректность последующей кластеризации.

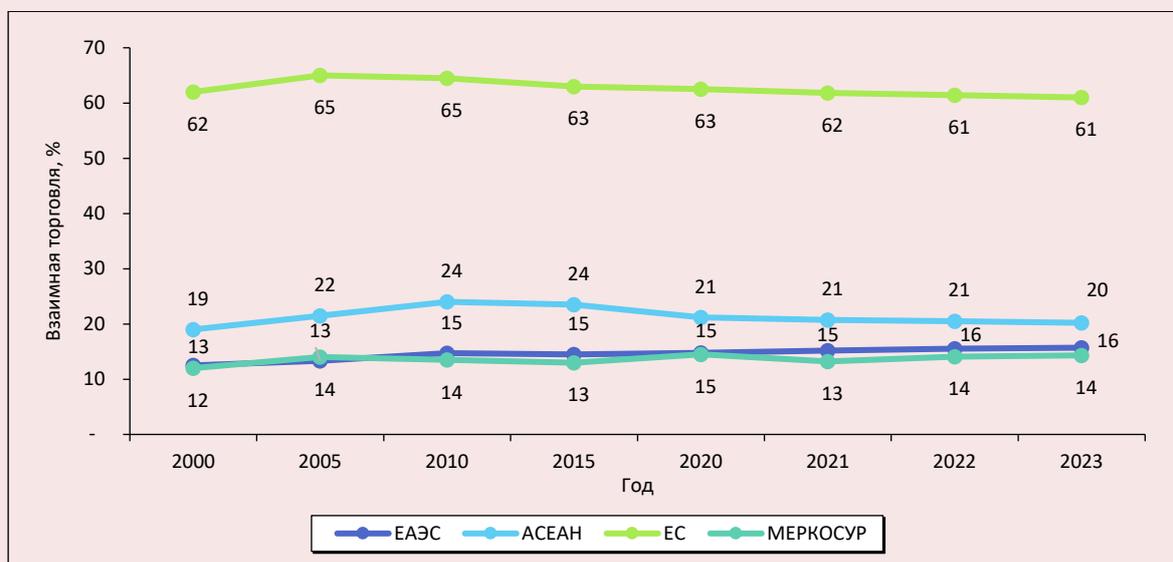
Как видно из таблицы 2, Сингапур занимает лидирующее положение благодаря высокой торговой открытости (311% от ВВП), доле ПИИ в ВВП – 19,28%, высокому инновационному ($GII = 61,5$) и логистическому уровню ($LPI = 4,3$), а также самому большому количеству торговых соглашений ($RTA = 28$). Китай с показателем ИВЭВ = 0,38 занимает второе место благодаря инновациям ($GII = 55,3$), торговой открытости (37,32% от ВВП) и логистике ($LPI = 3,7$), а также большому количеству RTA. Российская Федерация (ИВЭВ = 0,07), Республика Узбекистан (0,06) и Иран (0,00) имеют относительно низкий индекс из-за санкций, недостаточно развитой инновационности и логистики.

Если сравнить долю внутригрупповой торговли за 2000–2023 гг. в существующих интегра-

ционных объединениях, среди которых, хотя и с трендом на понижение, лидирует ЕС (~60%), АСЕАН (~21,1%), ЕАЭС (~14,4%) и МЕРКОСУР (~13,5%; рисунок), то можно предположить, что объединение существующего потенциала ЕАЭС, имеющего умеренный уровень с устойчивым растущим трендом, и АСЕАН, демонстрировавшего 20–24% с 2000-х гг. на фоне снижения доли ЕС с 65% в 2010 году до 61% в 2023 году, позволяет сформировать ориентировочную оценку потенциального верхнего предела внутригрупповой торговли стран БЕП порядка 40%, возможного при условии институционального сближения и снижения логистических барьеров.

Проведение кластерного анализа к-средних позволило выделить три группы из состава анализируемых стран: ядро, окружение, внешние партнеры. Силуэт-критерий (0,78) и корреляции показателей между странами внутри группы (ядро $\rho = 0,85$, окружение $\rho = 0,65$, внешние $\rho = 0,45$) подтверждают четкое разделение на три группы и предполагают разработку дифференцированных стратегий по расширению взаимодействия в БЕП (табл. 3). К странам ядра отнесены Россия, Китай, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан, что выражается в существующей интеграции этих стран в

Удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли
ЕАЭС, АСЕАН, ЕС, МЕРКОСУР, 2000–2023 гг., %

Источники: данные UN Comtrade, Eurostat, ESCAP, ЕЭК.

Таблица 3. Дифференцированные стратегии по расширению взаимодействия в рамках БЕП

Группа стран	Профиль (ключевые параметры)	Основные ограничения	Стратегические направления расширения взаимодействия в БЕП
1. Ядро (<i>Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Китай, Кыргызская Республика, Российская Федерация</i>)	Высокая институциональная связанность (ЕАЭС/ШОС); неоднородный ИВЭВ: высокий у Китая, низкий у большинства стран ЕАЭС; высокие значения GI/LPI и технологические позиции у Китая; значительные объемы торговли и транзита	Санкции; недостаточная логистика (LPI в ряде стран <2,7); низкая инновационность части стран; санкции, узкие экспортные ниши	1) Модернизация логистики («Север – Юг», «Запад – Восток»); 2) совместные технопарки (ИИ, 5G); 3) диверсификация экспортных потоков и снижение зависимости от крупных партнеров; 4) кооперационные инфраструктурные фонды (Российская Федерация – Китай – ОАЭ)
2. Окружение (<i>Израиль, Индия, Иран, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция</i>)	Средний уровень ИВЭВ; высокий экономический потенциал; высокие GI/LPI у Израиля и ОАЭ; значимая роль сырьевых и технологических поставщиков	Инфляционные и санкционные риски; слабая институциональная совместимость; отсутствие ССТ с ЕАЭС и инфляционные риски; санкционные ограничения	1) Гармонизация стандартов и заключение ССТ с ЕАЭС; 2) расширение сырьевых и энергетических альянсов; 3) совместные НИОКР и цифровые хабы (Израиль, ОАЭ); 4) инвестиционные фонды и расчёты в нацвалютах
3. Внешние партнеры (<i>Вьетнам, Республика Молдова, Сербия, Сингапур, Республика Узбекистан</i>)	Средний или низкий ИВЭВ; высокая логистика и инновации у Сингапура; умеренный экономический вес; интеграция через ССТ или статус наблюдателя	Низкие GI/LPI у ряда стран; узкая экспортная специализация; ограниченная инфраструктура	1) Включение в коридоры «Восток – Запад» и «Север – Юг»; 2) цифровая интеграция (таможня, e-commerce); 3) поддержка экспортных ниш (агро, промышленная кооперация); 4) институциональное сближение с ЕАЭС

Источник: составлено авторами.

ЕАЭС и ШОС и усилении их экономико-технологических возможностей в рамках БЕП. Роль Российской Федерации и Китая с экспортом в 476 млрд долл. и 3,54 трлн долл. соответственно в 2024 году заключалась в формировании основы БЕП, обеспечивающей развитие торговли (98,3 млрд долл. внутри ЕАЭС в 2024 году и около 230,7 млрд долл. взаимной торговли ЕАЭС с Китаем), инвестиций и технологического сотрудничества, в том числе проекты России и Китая в области 5G, «зеленой» и цифровой экономики и др. в рамках БЕП.

На основе кластеризации стран БЕП можно сделать вывод о том, что пространство БЕП представляет собой разноуровневую структуру с высокой внутренней дифференциацией по уровню интеграции. Страны ядра характеризуются более высокой институциональной связанностью по линии ЕАЭС и ШОС, однако фактическая интенсивность внешнеэкономического взаимодействия, отраженная в значениях ИВЭВ, остается неоднородной, а в ряде стран ядра – низкой. Страны ядра также ограничены санкционными и логистическими барьерами, что требует приоритетной модернизации инфраструктуры и диверсификации внешнеторговых и инвестиционных потоков. Окружение характеризуется высокой внутренней неоднородностью: от технологически развитых и институционально открытых экономик (Израиль, ОАЭ) до стран с низким ИВЭВ, ограниченных санкциями, инфляцией и логистическими барьерами (Иран), что требует институциональной гармонизации и устранения инфляционных и политико-экономических рисков. Внешние партнеры выполняют различающиеся функции в пространстве БЕП – от глобальных логистических и институциональных хабов (Сингапур) до периферийных участников с ограниченной инфраструктурной и технологической базой (Республика Молдова, Республика Узбекистан). Тем не менее внешние партнеры играют роль точек расширения охвата и каналов распределения, при этом их участие в БЕП нуждается в поддержке экспортной специализации, развитии инфраструктурных узлов и включении в цифровую систему взаимодействия. Дифференцированный подход к развитию каждой из трех групп стран позволяет повысить устойчивость и синергетический эффект при формировании БЕП.

Обсуждение и рекомендации

Полученные результаты раскрывают специфику внешнеэкономических взаимодействий стран БЕП, предлагая интерпретации, способствующие пониманию интеграционных процессов. Значимость экономического роста через показатели ВВП и ВВП на душу населения подчеркивает важную роль этого показателя в интеграционных процессах, однако необходимо учитывать структурные особенности экономик стран БЕП. Страны с высоким ВВП, такие как Китай, Индия, Российская Федерация, имеют возможность для укрепления торговых позиций, тогда как страны с низким ВВП, например Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Молдова, сталкиваются с дефицитом интеграционного взаимодействия. Интеграция БЕП требует дифференцированных стратегий расширения. Научная новизна исследования заключается в разработке направлений сотрудничества стран БЕП с точки зрения их основных конкурентных преимуществ. Особо подчеркивается роль инноваций как важнейшего драйвера интеграции, требующего преодоления технологического разрыва между странами. Технологическая готовность является связующим звеном между краткосрочными издержками и долгосрочной выгодой, что предлагает новый подход к оценке инновационно-технологической политики в рамках БЕП.

Проведенные расчеты подтвердили, что логистические трудности, измеряемые показателем LPI, и ограниченные торговые соглашения, учтенные через показатель RTA, обуславливают замедление интеграции в БЕП. Развитию БЕП будет способствовать усиление логистики и RTA при снижении институциональных барьеров, гармонизация стандартов и требований.

Расчет ИВЭВ количественно подтвердил лидерство Сингапура (1,00), ОАЭ (0,40) и Китая (0,38), тогда как внешнеэкономическое взаимодействие Кыргызской Республики (0,11), Республики Казахстан (0,10), Ирана (0,09), Российской Федерации (0,07) и Республики Узбекистан (0,06) помимо санкционных ограничений характеризуется низким уровнем транспортно-логистической эффективности и инновационности, преодолению которых может способствовать развитие пространства БЕП.

Кластерный анализ выявил наличие трех групп стран: ядро, окружение и внешние парт-

неры, что требует дифференцированных стратегий для их взаимодействия в рамках БЕП. Для развития интеграции стран БЕП ядру необходимо поэтапное расширение цифровой инфраструктуры начиная с унификации таможенных процедур, цифрового документооборота и базовой логистической цифровизации с последующим переходом к более сложным технологическим решениям для упрощения торговли и диверсификации экспорта, что снизит зависимость от ключевых партнеров. Китай, как технологический лидер (ГИ = 55,3), может поддерживать технологический обмен в ЕАЭС, гармонизируя стандарты для 5G и искусственного интеллекта (ИИ), в то время как Российская Федерация и Республика Казахстан привлекают прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в зеленую энергетику и ИТ через взаимодействие ЕАЭС – Китай. Странам кластера «окружение» рекомендуется снижать нетарифные барьеры и расширять торговые соглашения с ЕАЭС, укреплять коридор «Север – Юг», создавать технопарки для ИИ и кибербезопасности, развивать расчеты в национальных валютах. Внешние партнеры могут диверсифицировать товарные потоки, интегрироваться в транспортно-логистические коридоры «Восток – Запад» и «Север – Юг», внедрять цифровые таможенные решения.

Заключение

Исследование подтвердило, что пространство БЕП обладает возможностями интегра-

ционного расширения, но и имеет ряд ограничений, сдерживающих развитие, в связи с чем требуется многоуровневый подход к расширению БЕП. Страны ядра должны уделять особое внимание модернизации логистики, трансферу технологий и институциональной интеграции. Странам окружения следует осуществлять диверсификацию торговли, технологическое обновление, встраиваться в транспортно-логистические коридоры. Внешние партнеры могут усиливать интеграцию в БЕП посредством трансфера технологий и привлечения капитала, содействуя процессам цифровизации и модернизации.

Разработанная модель расширения пространства БЕП развивает подход к оценке интеграционных процессов в условиях геоэкономической нестабильности. Применение метода кластеризации обеспечило всесторонний охват актуальных процессов интеграции БЕП, выявление группы стран по степени их участия в БЕП, оценку влияния различных факторов в развитии интеграции внутри партнерства. Полученные результаты представляют как теоретический интерес для дальнейшего изучения специфики и перспектив развития интеграционных процессов в условиях экономической фрагментации и регионализации мировой экономики, так и практическую значимость при разработке стратегий и моделей развития взаимодействия стран в рамках Большого Евразийского партнёрства.

Литература

- Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Ильясов П.В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства // Экономика региона. Т. 21. № 3. С. 630–642. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>
- Аббасов У.А. (2024). Турция и Большое Евразийское партнёрство: дилеммы и перспективы // Мировое и национальное хозяйство. № 3 (67). 25 с.
- Бабаев К.В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток // Экономика Центральной Азии. Т. 8. № 2. С. 91–110. DOI: [10.18334/asia.8.2.121012](https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012)
- Бахтизин А. Р. (2023). Геоэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак // Исследования в цифровой экономике. Т. 1. № 4. С. 6–47. DOI: <https://doi.org/10.24833/1451179120234647>
- Винокуров Е., Забоев А., Усманов Н. [и др.] (2022). Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура: доклады и рабочие документы. № 22/2. Алматы, Москва: Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/a2b/EDB_2022_Report-2_INSTC_rus.pdf?ysclid=mhp2b8yu55277255859 (дата обращения: 06.09.2025).

- Вишневецкий В.П., Маковецкий С.А., Вишневецкая Е.Н. (2025). Эффекты геоэкономической фрагментации: BRICS vs G7 // *Journal of Applied Economic Research*. Т. 24. № 1. С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2025.24.1.001>
- Глазьев С.Ю. (2021). Как построить Большое евразийское партнерство? // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3. С. 9–14. DOI: [10.22394/2073-2929-2021-03-9-14](https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14)
- Дементьев В. В. (2018). Инновации, хозяйственный порядок и экономическая власть // *Journal of Economic Regulation*. Т. 9. № 4. С. 22–36. URL: <https://doi.org/10.17835/20785429.2018.9.4.022-036>.
- Жилкин О.Н., Балашова С.А., Абрамова А.А. (2023). Гравитационная модель: анализ взаимной торговли стран Евразийского экономического союза // *Вестник университета*. № 1. С. 45–62. DOI: [10.26425/1816-4277-2023-11-179-187](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-179-187)
- Караганов С.А. (2019). Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // *Россия в формирующейся Большой Евразии*. Москва: ВШЭ. 148 с.
- Кефели И.Ф. (2019). Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого Евразийского партнерства» // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3 (29). С. 65–76.
- Королев А.С. (2023). Проактивная vs реактивная: промежуточные итоги внешнеэкономической политики ЕАЭС / под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, Л.В. Нечаевой, Г.В. Грызлова, С.М. Гавриловой; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД. № 83. 40 с.
- Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2024). Оценка уровня сопротивляемости экономики Российской Федерации внутренним и внешним вызовам // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 6. С. 98–117. DOI: [10.15838/esc.2024.6.96.5](https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.5)
- Осадчая Г.И., Волкова О.А., Вартанова М.Л. [и др.] (2025). Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / под общ. ред. Г.И. Осадчей; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 383 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024)
- Петрушина О.М., Горина А.С., Горин Н.С. (2025). Развитие международного транспортного коридора «Север – Юг»: текущее состояние, динамика и перспективы модернизации // *Естественно-гуманитарные исследования*. № 2. С. 371–376.
- Селиверстов В.Е. (2025). Инфраструктурные проекты как основа связности и нового пространственного каркаса Китая // *Экономика региона*. Т. 21. № 3. С. 786–801. DOI: [10.17059/ekon.reg.2025-3-15](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-15)
- Смирнова Д. (2023). Экспорт из России в Индию увеличился в 4,7 раза // *Профиль*. 10.08.2023. URL: <https://profile.ru/news/economy/eksport-iz-rossii-v-indiju-uvelichilsya-v-4-7-raza-1373535/> (дата обращения: 06.09.2025).
- Acharya R., Parajuli T. (2025). The evolution of preferential trade under regional trade agreements: Has anything changed? // *WTO*. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/311210/1/1917336381.pdf> (дата обращения: 06.08.2025).
- Blanga-Gubbay M., Rubinova S. (2024). Is the global economy fragmenting? *World Trade Organization Staff Working Paper*, ERSD 2023–10. Geneva: World Trade Organization (WTO). Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/280428/1/1873031211.pdf> (accessed: 06.08.2025).
- Colombatto E., Macey J.R. (1996). A public choice model of international economic cooperation and the decline of the nation state. *Cardozo Law Review*, 18, 925–956. Available at: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/673> (accessed: 06.08.2025).
- Maihold G. (2022). A new geopolitics of supply chains: the rise of friend-shoring. *SWP Comment*, 45/2022. DOI: <https://doi.org/10.18449/2022C45>
- Nedumpara J.J. (2024). Friendshoring, nearshoring, greenshoring and resshoring: Changing faces of global supply chains and its impact on international economic law – introduction to the special issue. *Global Trade and Customs Journal*, 19(3), 125–128. DOI: <https://doi.org/10.54648/gtcj2024035>
- Vinokurov E. (2023). *Transport Corridors, Belt and Road Initiative, Eurasian Economic Union, and Economic Prosperity Across the Eurasian Continent*. DOI: [10.1007/978-981-19-4332-4_13](https://doi.org/10.1007/978-981-19-4332-4_13)
- Vinokurov E., Zabojev A., Kuznetsov A., Omarov A., Romanov I. (2025). *Eurasian Transport Network: Projects Observatory and Interactive Map. Working Paper 25/5*. Eurasian Development Bank. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/ad3/EDB_Transport_Observatory_2025_Report_EN.pdf (accessed: 06.09.2025).
- Yunshak N.L. (2025). *RCEP: How Will This Trade Agreement Shape the Future of Multilateralism?* World Economic Forum. Available at: <https://www.weforum.org/stories/2025/03/rcep-how-will-this-trade-agreement-shape-multilateralism/> (accessed: 06.08.2025).

Сведения об авторах

Петр Владимирович Ильясов – кандидат экономических наук, ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: tr1k-y@mail.ru)

Елена Леонидовна Андреева – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru)

Ilyasov P.V., Andreeva E.L.

Assessing the Opportunities for Expanding Trade and Economic Interactions among Countries of the Greater Eurasian Partnership

Abstract. The Greater Eurasian Partnership initiative, announced by Russian President Vladimir Putin in 2015, aims to create a unified integration space in Eurasia. In this regard, assessing the opportunities and constraints for expanding trade and economic interactions within this space is highly relevant. The article presents a comprehensive analysis of trade and economic interactions among countries using cluster analysis tools. The study covers 18 partner countries over the period 2000–2024. A multilevel model was employed as a methodological toolkit, taking into account economic indicators and indices of the countries, as well as results from global rankings. The information base comprised open data from international organizations: UNCTAD, the World Bank, and others. The specificity of interactions among countries within the Greater Eurasian Partnership compared to other integration associations is identified. The scholarly novelty of the work lies in the development of a methodological approach to assessing integration potential based on cluster analysis, which made it possible to identify three country profiles – the core, the periphery, and external partners – and to conduct a quantitative assessment of foreign trade, investment-innovation, and institutional-technological activity of participating countries by calculating an index of foreign economic interaction. Based on the analysis conducted, differentiated strategies for enhancing interaction are proposed in accordance with the three identified country profiles, along with recommendations for increasing the level of interaction and engagement of a number of states using tools for standardizing and harmonizing their activities based on digitalization and the creation of unified platforms, joint investment and infrastructure projects, transport and logistics corridors, and others. The study confirms the need to overcome logistical and institutional constraints within the Greater Eurasian Partnership to realize its integration potential.

Key words: economic fragmentation, regionalization of the global economy, integration interaction, Greater Eurasian Partnership, EAEU, integration, foreign trade, investments, Global Innovation Index, balance of payments, technology readiness index.

Information about the Authors

Peter V. Ilyasov – Candidate of Sciences (Economics), leading economist, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tr1k-y@mail.ru)

Elena L. Andreeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of center, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elenandr@mail.ru)

Статья поступила 21.05.2025.